

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
Замятиной Екатерины Сергеевны на тему:
**«Семантико-синтаксическое взаимодействие
подчинительных союзов и вводных слов
в конструкциях вывода-обоснования»**,
представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Диссертационное исследование Замятиной Екатерины Сергеевны «Семантико-синтаксическое взаимодействие подчинительных союзов и вводных слов в конструкциях вывода-обоснования» посвящено исследованию функционирования вводных слов и союзов в **конструкциях вывода-обоснования** (далее – КВО) и их семантико-синтаксическому взаимодействию. **Актуальность избранной темы** обусловлена тем, что конструкции вывода-обоснования привлекали внимание лингвистов (А.М.Пешковского, В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, А.Ф. Михеева, Р.М.Теремовой, Л.Л. Бабаловой, Е.С. Ярыгиной и др.) своим внешним сходством со сложноподчинёнными предложениями с причинным значением. Однако такое сходство является отчасти формальным, так как заметны внутренние, семантические, различия - денотаты предикативных частей не имеют причинно-следственной связи и соединяются причинным союзом, цит., С.5: «Такая связь устанавливается только между модусами предикативных частей: главная часть (*вывод*) является субъективным выводом, сделанным на основе сведений, изложенных в придаточной части (*обосновании*)». Сложность исследуемой проблемы объясняется и терминологическим разнообразием обозначения данного языкового факта: «несобственно-причинные предложения», «конструкции с причинно-аргументирующими отношениями», «конструкции вывода-обоснования».

Основные семантические и синтаксические признаки конструкций вывода-обоснования подробно рассмотрены в работах Е. С. Ярыгиной (2002). Екатерина Сергеевна Замятина продолжила их изучение. В рецензируемой кандидатской диссертации соискатель устанавливает особенности функционирования различных союзов и вводных слов в рамках данных конструкций, а также определяет их взаимодействия с подчинительными союзами. Кроме того, соискателем создана генетическая классификация вводных слов и дополнена модально-семантическая классификация Е.Н.Ореховой.

Изучение вопросов вводных слов и вводных единиц Е.С. Замятина проводит на базе трудов В. А. Богородицкого, Ф.И. Буслаева, В.В.Виноградова, А.Х. Востокова, Н.И. Греча, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, О.А. Остроумовой, А.М. Пешковского, А.А. Потебни, Н.В. Рачук и др.;

рассмотрение модальности опирается на работы Н. Д. Арутюновой, Ш.Балли, В.В. Виноградова, Г.А. Золотовой, П.А. Леканта, Е.Н. Ореховой; анализ стилистических и текстовых аспектов КВО осуществлялся с опорой на исследования М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, А.И. Горшкова, Н.Д.Арутюновой, В. З. Демьянкова, В.А. Звегинцева, В. Г. Костомарова, Е.В.Падучевой, В. З. Панфилова; особенности синтаксического строения и семантики несобственно-причинных конструкций (КВО) рассматривались на основе трудов Л. Н. Иорданской, И. А. Мельчука, А. К. Руденко, Е.В.Урысон, Е. С. Ярыгиной и др.

В работе определены и **объект** (синтаксические конструкции с семантикой вывода-обоснования), и **предмет** (функционирование и семантико-синтаксическое взаимодействие вводных слов и союзов в данном типе конструкций) исследования.

Гипотеза исследования состоит, прежде всего, в том, что между вводным словом и подчинительным союзом КВО возникают особые отношения, которые формируют вводно-союзную скрепу, состоящую из семантически связанных друг с другом компонентов: парентетического (эксплицированный модус мнения главной части) и союзного компонента, присоединяющего придаточную часть и описывающего **причину** возникновения данного мнения.

Цель – рассмотреть функции вводных слов и подчинительных союзов в конструкциях вывода-обоснования и проанализировать особенности их семантико-синтаксического взаимодействия – достигнута решением поставленных задач (С.).

Субъективный фактор в языке, коммуникативные потребности говорящих в субъективизации мысли, в выражении отношения-оценки – вот те мотивы, побуждающие искать новые средства оформления детализированного смысла КВО, в частности – семантики **причины**, как и отмечается в диссертации.

Мысль о возможности изучать вводно-союзные скрепы, носителей причинной семантики, определяет комплексный характер исследования и многофакторный анализ материала. Ср.: *Лужи замёрзли, потому что ночью был мороз* (собственно-причинное предложение) – *Ночью был мороз, потому что лужи замёрзли* (несобственно-причинное предложение, или конструкция вывода-обоснования).

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформированных в диссертации, представляется в определенной степени убедительной. Автор диссертации показывает высокую **достоверность** результатов исследования, обеспеченную единством принципов анализа обширного языкового материала и терминологическим единообразием, поскольку в качестве источников языкового материала использует тексты различных стилей и широкого временного охвата (XVIII-XXI века). В работе нами не выявлено ни внутренней противоречивости исследования, ни расхождений между его целью, задачами и методологией,

частными методами и процедурами, положениями, вынесенными на защиту, и выводами, содержащимися в конце каждой главы и в Заключение.

Достоверность полученных результатов подтверждена анализом примеров из текстов различных стилей и времени создания, источником которых послужил Национальный корпус русского языка. Общее количество примеров, проанализированных при написании работы, около 4000, в рамках работы использовано около 500.

В ходе исследования автором диссертационного исследования применялись метод сплошной выборки, описательный, этимологический, стилистический, структурный, статистический методы, а также метод компонентного, контекстуального, сопоставительного анализа.

Научная новизна работы заключается в ряде факторов: 1) в установлении экстралингвистических факторов формирования конструкций вывода-обоснования; 2) в определении смежных с конструкциями вывода-обоснования явлений (конструкции вывода-субъективного обоснования, конструкции с отношениями мнимой причинности); 3) в выявлении особенностей функционирования различных союзов и вводных слов в конструкциях вывода-обоснования и рассмотрении их взаимодействия с различными семантическими типами вывода и обоснования.

Настоящая работа, отражающая «взгляд изнутри», имеет несомненную **теоретическую и практическую значимость** (С. 9-10): результаты исследования вносят вклад в теорию синтаксиса сложного предложения, в частности, системы сложноподчинённых предложений со значением причинности, и функционирования вводных элементов в рамках сложного предложения; практическая значимость заключается в использовании результатов исследования прежде в учебном процессе по синтаксису сложного предложения, а также по морфологии союзов и модальных слов.

Основные положения научного исследования в виде тезисов докладов и статей были представлены на международных научно-практических конференциях (Москва, 2018, 2014) и нашли отражение в 5 публикациях, три из которых изданы в сборниках, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы традиционна: Введение, три главы, выводы по каждой главе, Заключение, Библиографический список основных источников.

Во **Введении** обосновывается выбор темы, определяются основные цели и задачи исследования, его объект и предмет, характеризуются новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, а также формулируются гипотеза и положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1-ой** «Конструкции вывода-обоснования (несобственно-причинные конструкции) как **особый** тип причинных конструкций» (выделения в тексте наши – С.К.) представлена история описания несобственно-причинных предложений и их основные признаки; выявляются особенности семантики и функций конкретных причинных союзов в КВО; рассматриваются смежные явления, то есть «предложения, которые нельзя

однозначно охарактеризовать ни как собственно-причинные, ни как несобственно-причинные, и факторы, которые приводят к возникновению таких явлений» (С.13-106).

Терминологическая неустойчивость, присутствующая в работах одного и того же исследователя, свидетельствует о сложности и дискуссионности научной проблемы, и, следовательно, об ее актуальности, ср.: термин **«конструкции вывода-обоснования»**, введенный Е.С.Ярыгиной в 2002 году, в работе 2018 года того же ученого-лингвиста заменяется термином, использовавшимся в Русской грамматике 1980, – **«несобственно-причинные конструкции»** и **«причинно-аргументирующие отношения»**. Данные конструкции представляют собой, по определению Е. С. Ярыгиной, соединение двух или более предикативных частей (или предикативных единиц) в результате **причинно-следственного взаимодействия** модусных компонентов, в которых проявляется особая речевая тактика говорящего: от вывода – к обоснованию. Главная предикативная часть сложноподчинённого предложения (вывод) имеет модус мнения, оценки, или побуждения; придаточная часть (обоснование) – перцептивный, частно-информативный или обще-информативный модус. Модус может быть выражен как эксплицитно (с помощью вводных слов, наклонения предиката и других лингвистических и экстралингвистических средств), так и имплицитно. Выявляются смежные явления (пограничные случаи) и факторы, которые способствуют формированию предложения.

С учётом текстологических факторов формирования модуса мнения посредством экстралингвистических средств Е.С. Замятина пришла к выводам, что союз *судя по тому ..., что* – союз может функционировать **только** в конструкциях вывода-обоснования (1), союзы *из-за того ..., что, оттого ..., что, ради того ..., что; через то ..., что; по причине того ..., что; на основании того ..., что* редки и являются показателями конструкций смежной (пограничной) зоны, передающими причинно-аргументирующие отношения (2); союзы *под тем предлогом ..., что, под предлогом того ..., что, под видом того ..., что* – союзы с **особой** семантикой **мнимой причины** (предложения с ними нельзя отнести ни к собственно-причинным, ни к несобственно-причинным) (3); союзы *благо, тем более ..., что, тем паче ..., что* придают придаточной части семантику **дополнительного, необязательного комментария** (предложения с ними обладают признаками конструкций вывода-обоснования и сдвигаются в смежную пограничную зону) (4); другие союзы функционируют в собственно-причинных и несобственно-причинных конструкциях (5).

Установлено, что многие причинные союзы тесно связаны с тем или иным семантическим типом вывода или обоснования: 1) союз *судя по тому, ... что* преимущественно вводит перцептивное обоснование; 2) союз *поскольку* не может вводить перцептивное обоснование (хотя искусственные построения, например, *«Ночью был дождь, поскольку лужи на улице»*, возможны); 3) союз *так как* присоединяет обоснование преимущественно к выводу-оценке (реже - присоединяет перцептивное обоснование); 4) условно-

причинный союз *раз* преимущественно присоединяет вывод-побуждение и перцептивное обоснование.

Союзы *потому как*, *потому что*, *ибо*, и союз-частица *ведь* не обладают особенностями сочетаемости с тем или иным семантическим типом вывода или обоснования. Единичные примеры с другими союзами не определяют синтагматических (сочетаемых) закономерностей.

Наблюдения соискатели во многом точны и выявляют современные тенденции в грамматической системе языка. Например, анализ языкового материала позволил Е.С. Замятиной установить, что «расчленение союза запятой (*потому, что*, а не *потому что*) не влияет на его способность функционировать в конструкциях вывода-обоснования. Запятая внутри союза свидетельствует о меньшей степени его грамматикализации и более крепкой связи с предикатом главного предложения, что обычно противоречит формированию причинно-аргументирующих отношений. Тем не менее, при чёткой маркировке мнения (оценки, побуждения) в главной части с помощью лексических и морфологических средств, а также экстралингвистических факторов, расчленённость союза не препятствует выражению данных отношений. Интересно то, что большинство примеров несобственно-причинных предложений с расчленённым союзом относятся к текстам, созданным уже в XXI веке, что позволяет сделать вывод о том, что функционирование расчленённых союзов в конструкциях вывода-обоснования – современная тенденция» (С. 109).

Исследованием Екатерины Сергеевны установлено, что «конструкции с обоснованием в препозиции и выводом – в постпозиции, то есть не конструкции вывода-обоснования, а «обоснования-вывода». Но по семантике такая «конструкция не отличается от конструкции вывода-обоснования; подобная структура лишь позволяет поставить аргументацию, т. е. обоснование, в позицию начала предложения, придав высказыванию более экспрессивное, полемичное звучание» (там же).

Во **2-ой главе** «Вводные слова. Специфика функционирования вводных слов в рамках сложноподчинённого предложения» (С.110-178) рассматриваются семантические и синтаксические особенности вводных слов и сочетаний слов, представлены генетические и семантические классификации вводных слов; определяется специфика связи вводного слова и предложения, в рамках которого оно функционирует.

Вслед за Русской грамматикой 1980, Е.С. Замятина определяет вводные слова как «лексико-синтаксическую группировку» и выделяет их синтаксические и лексико-семантические признаки: а) синтаксические (пунктуационная и интонационная обособленность, отсутствие формальных связей с другими членами предложения); б) лексико-семантические (выражение субъективно-модальных значений).

К несомненным заслугам соискателя следует отнести выявленные в ходе структурно-семантического анализа рассматриваемых языковых единиц их синтаксические признаки, которые позволяют провести границу между вводными словами и модальными частицами (в то время как лексико-

семантические признаки – между вводными словами и другими обособленными оборотами).

С точки зрения происхождения вводные слова и сочетания слов Е.С.Замятина делит на четыре большие группы: 1) собственно вводные слова – потерявшие связь с исходными единицами (*гыт, грит, мол, чать, дескать, положим, во-первых, во-вторых, кажись, вестимо, конечно, всеконечно* и др.); 2) квазипредикативные вводные слова – восходящие к односоставным предложениям (*отмечу, отметим, веришь ли, верите те, говорят, смотри, говорят, глядишь, признаться, может быть, вполне возможно, нет слов* и др.); 3) непредикативные вводные слова, восходящие к обособленным оборотам, и единицы, которые невозможно возвести к обособленным оборотам и предложениям (*собственно говоря, как на горе, действительно, словом, к сожалению, по слухам, в самом деле, на первый взгляд, с вашего позволения, сверх того, стало быть* и др.); 4) вводные слова, восходящие к междометиям (*благодаря Богу, страсти господни, скажите на милость, скажите пожалуйста, увы, чёрт возьми* и др.). Автором диссертационного исследования подчеркивается, что связь между семантикой и происхождением вводного слова прослеживается, но не во всех случаях.

В данной главе вводные слова рассматриваются как основные выразители субъективной модальности в русском языке. Е.С. Замятина опирается на классификацию модальных значений Е. Н. Ореховой (10 разрядов, см.: Орехова, Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: монография. М., 2011), дополнив её 11-м разрядом (**вводные слова субъективной оценки меры и степени**), См.: 1.1. **Неуверенное предположение** (*предположим, может быть, может стать, возможно, наверное, пожалуй*); 1.2. **Уверенное предположение**: а) основанное на чувствах (*очевидно, судя по всему, видимо, по-видимому, видно, как видно, похоже; видать, по всей видимости*); б) основанное на логических умозаключениях (*должно быть, надо думать, надо полагать, вероятно, по всей вероятности, верно; должно полагать, должно стать, должно, знать, чай*); 1.3. **Предположение-догадка** (*что ли, небось, случайно, случаем, часом, чего доброго, неровён час, не дай бог*); 2. **Допущение** (*допустим, пожалуй, ладно, ну, ну пусть, хорошо положим, предположим*); 3. **Сомнение** (*вероятно, возможно, видимо, по всей видимости, говорят, должно быть, впрочем, допустим, кажется, может быть, может, наверное, похоже, по слухам*); 4. **Мнимость** (*казалось бы, на первый взгляд, на поверхностный взгляд, однако, судя по первому впечатлению, как казалось, кажется на первый взгляд, мол*); 5. **Уверенность** (*конечно, разумеется, бесспорно, действительно, безусловно, без сомнения, подлинно, решительно, естественно, натурально, бьюсь об заклад, голову даю на отсечение, как пить дать, по моему глубокому убеждению, кровь из носу* и др.); 6. **Обычность** (*как было, как бывало, как случалось, как обычно, как водится (у ...), по обычаю, по привычке, бывало, случалось по обыкновению, бывает, случается, случалось*); 7. **Логическая модальность** (*во-первых, во-вторых, ... в-последних; и так далее, и тому подобное; таким*

образом, итак, значит, следовательно, вследствие сказанного, стало быть, получается и др.); 8. **Эвиденциальность** (мол, дескать, по-вашему, по-моему, по-моему; как сказывали, как говорили, говорили, говорят, передают; говорится, сказывается; слышно, известно; по Пушкину, по Виноградову; по мнению учёных, по мнению специалистов и др.); 9. **Контактоустанавливающее значение** (знаешь, видишь, не поверишь, понимаешь, поверь, представь, согласишься, если хочешь знать, извините, простите, вишь, бишь, ишь, слышь и др.); 10. **Эмоционально-оценочное значение** (к счастью, на счастье, на грех, к несчастью, к изумлению, вот досада, какая печаль, ну и ну, слава Богу и др.); 11. **Значение оценки меры и степени** (по меньшей мере, по крайней мере, в той или иной степени, в значительной степени, самое большее, самое меньшее, как минимум).

Соискатель определяет особый вид связи вводных слов в предложении - **модально-парентетическую**, связь вводного слова и предложения имеет особый характер и базируется прежде всего на семантике (вводное слово выражает субъективно-модальную характеристику ситуации, описанной в предложении (предикативной части или нескольких предикативных частях)). Е.С. Замятина, отмечает, что несмотря на «обособленную позицию, вводные слова связаны с предложением, а в рамках сложного предложения – с одной или несколькими предикативными частями. В некоторых случаях эту связь можно возвести к подчинительной или бессоюзной связи в рамках сложного предложения (в случае с квазипредикативными вводными словами) либо к связи детерминирующего обстоятельства и предложения (в случае с непредикативными вводными словами, не возводимыми к квазипредикативным)... Морфологические признаки, формирующие предикативность квазипредикативных вводных слов, под влиянием этой функции перерождаются, лексикализуются и становятся фактором, формирующим конкретное субъективно-модальное значение вводного слова (к примеру, вводные слова, восходящие к односоставным определённо-личным предложениям с главным членом, выраженным глаголом второго лица (*видишь ли, слышишь, понимаешь* и др.), в большинстве своём выражают контактоустанавливающее значение)» (С. 181 и др.).

В 3-ей главе «Взаимодействие вводных слов и союзов в конструкциях вывода-обоснования» (С.182-240) рассматривается характер взаимодействия союзов и вводных слов в конструкциях вывода-обоснования; выявлено, что вводное слово и союз могут формировать вводно-союзную скрепу (ср.: «образование, состоящее из парентетического и союзного компонента и неразрывно связанное с семантикой несобственно-причинного предложения» (С. 181).

Вводные слова, благодаря их способности маркировать модус мнения главной части сложноподчиненного предложения, играют важную роль в формировании конструкций вывода-обоснования. Это утверждение, однако, верно далеко не для всех вводных слов, а только для вводных слов со значением достоверности-недостоверности, эвиденциальности, вывода,

субъективной **оценки меры и степени** и реляционных вводных слов. Они способны выражать модус мнения главной части, что является необходимым условием для формирования несобственно-причинной конструкции, при этом выполняя союзную функцию совместно с причинным союзом. В этом случае вводное слово и союз формируют **вводно-союзную скрепу**, которая состоит из двух компонентов: 1) **парентетический компонент** (вводное слово или сочетание слов), который выполняет союзную функцию и маркирует модус вывода как мнение; 2) **союзный компонент** (подчинительный союз, соединяющий вывод и обоснование в составе сложноподчинённого предложения), который дополняет связь посредством модусов (практически всегда союз можно изъять из конструкции вывода-обоснования, превратив предложение в бессоюзное без ущерба для его смысла (исключение – когда союз обладает ярко выраженными особенностями семантики: например, союз *благо*)).

Вводные слова и союзы в составе вводно-союзной скрепы не формируют устойчивых пар (исключение: союз *раз* и вводное слово *значит*). Установлено, что некоторые конкретные причинные союзы чаще сочетаются с вводными словами, выражающими конкретное значение из числа значений достоверности-недостоверности, что обусловлено дополнительными коннотативными смыслами, тонкими оттенками значения союзов: 1) союз *поскольку* вводит информацию, уже упоминавшуюся в тексте или известную реципиенту из других источников, формирует вводно-союзную скрепу с вводными словами с семантикой уверенности (более 30 % примеров); 2) союз *так как* зачастую вводит факты, которые не упоминались в контексте происходящего акта коммуникации или не известны реципиенту, и употребляется с вводными словами со значением неуверенного предположения (более 40 % примеров); 3) союз-частица *ведь* преимущественно сочетается с вводными словами со значением уверенного предположения и уверенности (суммарно около 50 % примеров); 4) союзы *тем более что*, *тем паче что* – с вводными словами со значением уверенности, что обусловлено их с семантикой дополнительного комментария; 5) причинно-условный союз *раз* образует устойчивую вводно-союзную скрепу с вводным словом *значит* (84 % проанализированных примеров), маркирующим вывод и служащим коррелятом союза.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования, формулируются основные выводы, подводятся итоги и освещаются перспективы дальнейшего изучения взаимодействия вводных слов и подчинительных союзов.

Библиографический список основных источников включает 202 наименования теоретических работ.

Подводя итоги, следует отметить, что концепцию автора характеризует стремление к целостному, объемному решению поставленной проблемы. Разумеется, в рамках диссертации не все вопросы смогли получить равнозначное освещение, поэтому на некоторые стороны

исследования, не учтённые или не детализированные автором, мы хотели бы обратить внимание соискателя:

1. Рассматривая «причину» в качестве мотивирующего фактора, что считается с первых страниц диссертации, разграничения разных типов отношении в конструкциях вывода-обоснования, соискатель не актуализирует свое внимание на моделях рассматриваемых предложений. На наш взгляд, представление моделей исследуемых синтаксических конструкций решает не только лингвистическую, но и важную прагматическую задачу.

2. Соискатель затрагивает вопросы выражения значений меры и степени (С.212 - 1 стр.: «Вводные слова со значением **субъективной оценки меры и степени** в принципе встречаются редко, и примеры конструкций вывода-обоснования с ними единичны. Рассмотрим один из таких редких примеров...»). Стоит ли единичные случаи выносить в заголовок? Во 2-ой главе Е.С. Замятина рассматривает вводные слова как основные выразители субъективной модальности в русском языке и дополняет классификацию модальных значений Е. Н. Ореховой (10 разрядов, см.: Орехова, Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: монография. М.: МГОУ, 2011) 11-ым разрядом – “**Вводные слова субъективной оценки меры и степени**”. Полагаем, что языковые единицы, выделяемые исследователем в самостоятельную группу, заслуживают более полного описания. Возможно подачу исследовательского материала в работе стоило бы представить с опорой на принцип поля?

3. Вызывают порицания некоторые формулировки Положений, выносимых на защиту (всего 10), см., например, 1, 2 и 4. Полагаем, что их лучше было бы сформулировать более лаконично; некоторые можно было бы объединить (например, 6 и 8). Считаем, что формулировки Положений типа «Как следствие...», «нередко возникают ситуации, когда...», «определить, к какой именно предикативной части (частям) относится вводное слово, затруднительно...» (Положение 5) некорректны.

4. Терминологический разнобой и понятийная неопределенность вводит некоторый диссонанс, см., например, С.13: «Термин «конструкции вывода-обоснования» (далее КВО) был введён Е.С. Ярыгиной в 2002 году [Ярыгина, 2002]. Впоследствии, в работе 2018 года, лингвист вернулась к терминам, использовавшимся в Русской грамматике 1980 года (далее – РГ-80), – «несобственно-причинные конструкции» (противопоставлены «собственно-причинным») и «причинно-аргументирующие отношения» [Ярыгина, 2018]. Мы, в свою очередь, не будем ограничивать себя одним из этих наименований; мы будем использовать термин «несобственно-причинные конструкции» как синоним термина «конструкции вывода-обоснования», в том числе и при противопоставлении собственно-причинным конструкциям (предложениям). Отношения в них мы будем характеризовать как «причинно-аргументирующие». Итак, конструкции вывода-обоснования, или несобственно-причинные конструкции, представляют собой «соединение двух или более предикативных частей (или

предикативных единиц) в результате причинно-следственного взаимодействия модусных компонентов, в которых проявляется особая речевая тактика говорящего: от вывода – к обоснованию» [Ярыгина, 2002, с. 9]». «Затерялся» в тексте и термин **«скрепа»**, который соискатель включает в основные научные установки - Гипотеза, 6-ое Положение, выносимое на защиту, и проч., и особенно текст 3-ей главы (С. 190, 192, 195, 199, 202, 204 и др.).

5. В собственно-исследовательском тексте диссертации соискатель акцентирует внимание прежде всего на модусных компонентах причинно-следственных отношений КВО. Каковы особенности диктумных компонентов в КВО?

6. Технические погрешности в оформлении: встречаются тавтологические наименования разделов (ср., С.122, Глава 2, разделы 2.3. – «Происхождение вводных слов. Генетическая классификация вводных слов»; С.145, раздел 2.4 - «Семантика вводных слов. Функционально-семантическая классификация вводных слов»). Представляя ту или иную классификацию (семантическую, генетическую и др.), состоящую из определенного количества позиций, на наш взгляд, демонстрируется наличие определенной системы. В таком случае хотелось бы четко понимать критерии разграничения автором работы языковых единиц.

7. С одной стороны, Е.С. Замятина четко определила для себя **предмет и цель** исследования (цит., С.5: **«Предмет исследования – функционирование и семантико-синтаксическое взаимодействие вводных слов и союзов в данном типе конструкций»** и **«Цель работы – рассмотреть функции вводных слов и подчинительных союзов в конструкциях вывода-обоснования и проанализировать особенности их семантико-синтаксического взаимодействия»** - выделения в тексте наши – С.К.), с другой, - заметно нарушение логики изложения исследовательского материала и не совсем удачное, на наш взгляд, распределение его по главам и разделам (см.: Главы 1, 2, 3 – наименования глав и разделов). Хотелось бы соотнести структуру исследования как научный «сценарий» и доказательную базу выдвигаемой гипотезы (цит., С. 5: **«Наша гипотеза состоит в том, что в рамках конструкции вывода-обоснования, реализованной в форме сложноподчинённого предложения, возникают особые отношения между вводным словом и подчинительным союзом; они формируют вводно-союзную скрепу, состоящую из парентетического и союзного компонента, семантически связанных друг с другом. Парентетический компонент вводно-союзной скрепы представляет собой эксплицированный модус мнения главной части, в то время как союз присоединяет придаточную часть, в которой описывается причина возникновения данного мнения. Во многом специфика связи главной и придаточной части в конструкции вывода-обоснования обусловлена именно этим обстоятельством»** - выделения наши – С.К.). Наименования разделов никак не нацелены на решение «скрытно» сформулированной в гипотезе задачи, доп. ср., задачи 1, 7, 8. «Скрепа» представлена только в названии одного раздела – 3.4 (С.216).

8. Несмотря на то, что в процессе исследования взаимодействия вводных слов и союзов была уточнена терминология, расширен круг союзных средств, способных функционировать в конструкциях вывода-обоснования, и выявлены новые факторы формирования конструкций вывода-обоснования, в Библиографию, которая состоит из 202 наименований, не включены отдельные работы по частицам, предлогам, союзам, выражающим причинные значения и значения меры и степени (см., например: Беленькая, О.В. Модели простых предложений с глагольными причинными предикатами: автореферат дис. к.ф.н. М., 1994; Богуславская, О.Ю., Левонтина, И.Б. Смыслы «причина» и «цель» в естественном языке // Вопросы языкознания. М., 2004. № 2; Колесникова С.М., Гун Цзинсун. Особенности функционирования отымённого предлога причины *в силу* в современном русском языке // Русский язык в школе, №1, 2019; Гун Цзинсун. Особенности функционирования производных причинных предлогов с субстантивным компонентом *в связи с* и *по случаю* // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 2(19); Вендер, З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 18. М., 1986; Вригт, Г.Х. фон Причинность и каузальное объяснение // Логико-философские исследования. М., 1986; Всеволодова, М.В., Яценко, Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988; Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции: монография. М., 2015; Маркина, Л. В. Предложно-падежное сочетание с причинным значением в составе простого предложения и его соответствие с придаточным причины: автореф. дис. к.ф.н. М., 1977; Гун Цзинсун. Отношения причинности в русском языке: функционально-семантический аспект // Русский язык в школе. 2018. № 2; Гун Цзинсун. Причинные предлоги в разных стилях речи // Русская речь. 2017. № 3; Гун Цзинсун. Семантические особенности производных причинных предлогов в современном русском языке // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 9; Гун Цзинсун. Словообразовательные и грамматические особенности причинных предлогов в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5; Гун Цзинсун. Лексические факторы обусловленности первообразных предлогов в конструкциях с причинно-следственными отношениями // Преподаватель 21-ого века. 2016. № 4, Ч. 2; Сидорова О.Ю. Качественные наречия как одно из средств выражения семантики причины // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 5 (71). Ч. 2; Сидорова, О.Ю. Основные и синкретичные значения словоформ с предлогом *без* // Вестник славянских культур. М., 2016. 1 (39); Сидорова О.Ю. «Без счастья и воли» (Предлог *без* в русском языке) // Русская речь. 2016. № 1 и др.). Чем обосновывается авторский выбор включения научных источников в Библиографический список? Кроме того, не на все работы, включенные в Библиографический список, имеются ссылки.

Автор работает с данными Национального корпуса русского языка, использует электронный ресурс Громыко О. М. («Космопсихолухи»), Олди Г. Л. («Мессия очищает диск», «Герой должен быть один»). Анализ 3000 единиц свидетельствует о репрезентативности материала, тщательный анализ которого заслуживает высокой оценки.

Автореферат и авторские публикации отражают содержание диссертации.

Диссертация «Семантико-синтаксическое взаимодействие подчинительных союзов и вводных слов в конструкциях вывода-обоснования» является научно-квалификационной работой, тематически соответствует паспорту специальности 10.02.01 – русский язык, соответствует требованиям п.п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК (утверждено постановлением Правительства РФ от 24.09.2013г. № 842), а ее автор **Замятина Екатерина Сергеевна** заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Доктор филологических наук (10.02.01 – русский язык)
профессор

профессор кафедры русского языка, заведующая кафедрой русского языка
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Колесникова Светлана Михайловна

15.01. 2021 г.

Адрес места работы:

119991 (Российская Федерация), г. Москва, ул. Малая Пироговская, д.1,
стр.1.

тел.: 8 (499) 246 57 12; e-mail: sm.kolesnikova@mpgu.su

С.М. Колесникова

ДОСТОВОЕРЯЮ

[Signature]

А.Б. Никитина